

28.10.94

Лидия Николаевна, ощущение, что в фильмах Шукшина на смену очаровательной Лидочке Федосеевой из тех же "Сверстниц" пришла совершенно другая актриса. Это встреча с ним так на вас повлияла?

Конечно. Шукшин меня как бы заново родил. После встречи с ним все перевернулось с любовью с первого взгляда, с "первого голоса". С голода почему? Началось-то все с песни. Шукшина я еще по ВГИКу знала, но там он мне казался очень несимпатичным. Он был секретарем комсомольской организации нашего постановочного факультета. А я — некоммуналка, подвела весь курс. Помню, меня из-за этого на целину не взяли и я была счастлива, потому что летом как раз снималась. Но не поставила в известность педагогов, как положено, ну и влетело, пошли разговоры, что меня надо исключить. Пришлось идти к Шукшину на серьезную беседу. Приятного мало...

А в шестьдесят четвертом году, после окончания института, мы поехали в Крым на картину "Какое оно, море?". В поезде собрались у нас в купе, разложили снесь всякую. И Шукшин — у него место в СВ было — пришел. Слово за слово, а потом я запела "Калину красную" — и он был потрясен. И в Судак, на съемках, когда собирались на отдых у костерка, все просил меня петь. Позже, когда уже вместе жили, часто пели с ним на два голоса. Пока дети не пошли, тут уж не до песен стало.

И знаете, так получилось, что в этом году я была в Крыму, у старшей дочки на съемках. И именно в том месте, где мы жили тридцать лет назад. Прямо из окна гостиницы был виден наш дом — и каждый раз, когда я шла мимо него, аж сердце сжималось и так вспоминалось все...

А как Шукшин вам предложение делал?

Как-то не помню. После той киноэкспедиции он уехал в Сибирь, я — в Ленинград. Я в Ленинграде родилась, в коммуналке, мама моя там и сейчас живет. Так вот, когда мы с Васей расстались, очень тосковали друг по другу и понимали, что надо быть вместе. Помню, встретились — и не обнимались, не целовались, просто долго смотрели друг на друга. Как в хорошем кино! Потом он дал мне ключ, деньги и сказал, чтобы я ехала в его кооперативную квартиру в Свиблово. Она была совершенно пустая, и деньги понадобились, чтобы хоть что-то купить: матрац, подушку, одеяло.

Вы — женщина красивая. Шукшин вас ревновал?

Очень. Хотя никаких поводов с моей стороны не было. Знаете, он очень любил, когда я улыбалась. Я раньше вообще все время улыбалась, сейчас меньше: видимо, жизнь так стучит по голове. И Вася всегда говорил: "Ты улыбайся только мне". А я любила, когда встречалась со знакомыми, улыбнуться, поцеловать человека. И Шукшину это очень не нравилось.

В экспедициях, поездках он все время тосковал по дому. Звонил при малейшей возможности: "Ну как там?" Мне иногда даже смешно было: "Да что ты волнуешься, ничего не случилось, дети в саду". "А где дома?" Очень не любил, когда я выходила куда-то. Меня и не тянуло, хотя изредка хотелось все бросить, по магазинам походить, поглазеть. В детстве, юности я домоседкой не была, напротив — озорница, уличная хулиганка, меня даже в милицию водили, за поведение оценку снижали. А после встречи с Шукшиным совсем другим человеком стала.

Неужели не хотелось признаться, выйти в свет, себя показать, на других посмотреть?

Один раз вышла. И за это чуть жизни не лишилась. Меня друзья — Жанна Бодонова и Коля Губенко — пригласили

В кино она — сорок лет без малого, снялась во многих фильмах. Но когда слышит в свой адрес "актриса", бьется, удивленно переспрашивает себя: "Я — актриса?" Лидия Федосеева-Шукшина считает, что судьба одарила ее иным призванием. И в самые счастливые свои годы любила шутить, что ее

да, не хочется. Тебе этого не понять, ты-то дома сидишь!" Дома он раскрепощался. Мог какие-то хулиганские частушки петь, ходил запросто — если жарко, то и вообще в трусах в цветочек или там горошек и очень трогательно в них выглядел.

Детей боготворил, очень любил с ними играть, сказки рассказывать. Правда, довольно быстро уставал от шума, криков, каждый раз выходил измученный: "Все, теперь ты иди!" Я начинаю рассказывать, а девчонки: "Нет, мам, ты — неинтересно, папу зови!" У него и любимый герой был — заяц, который летал на воздушных шариках. Эту сказку он для Маши придумал, когда та болела.

читал на кухне. И потом я в своей комнате стала наш разговор писать. А Вася подкрался незаметно, за плечо взял, напугал даже: "Ах ты, моя Анна Григорьевна!" Сравнение с женой Достоевского меня добило — и больше я дневник не вела.

Ощущение, что в фильмах Шукшина вы — такая, какая есть, ничего не приходится наигрывать. Это в самом деле так?

Шукшин писал роли на меня, он меня знал. Помню, как-то раз я ему "показала" Чаплина. И он был в восторге: "Ты же комедийная актриса!" Но сниматься у него я не сразу стала. Еще когда мы только стали жить вместе, я рассказала ему про немую. В нашей ле-

особенная, интонация была. Я ездила с ним в Ленинград, когда он в Большом драматическом театре у Товстоногова читал "Энергичные люди". Так актеры просто подышали со смеху, слушая его. Он был потрясающий артист! И он столько ни на что не похожих словечек знал. Даже собирался делать словарь сибирского языка. И еще он матерился очень фигурно — я такого нигде не слышала. Сама я не люблю, когда матерятся, старалась, чтобы друга этого не было. А с другой стороны, мне очень смешно было — уж очень виртуозно выходило. Да и понимала: жизнь у него такая, что может себе это позволить.

Гости в вашем доме часто собирались?

Да тут приехали ребята из одного екатеринбургского издательства и сказали, что сами за это возьмутся. Пять книг уже изданы, а к концу года и весь шеститомник выйлет. Вася о таком и не мечтал. Он, когда брал чужие издания, Софронова там тома, все говорил: "Да, мне такие "кирпичи" не поднять".

В душе переживал, наверное. Особенно, когда молчали. Считал: пусть лучше ругают, а хвалебные статьи так — пролистывал. Он боец был. Последнее несколько лет он в "Новом мире" печатался, любил этот журнал. И если какой-то рассказ по тем или иным соображениям откладывался, я, вернувшись из редакции — рукописи обычно я ту-

ПРОФЕССИЯ — ЖЕНА ШУКШИНА

Шукшины. Нет только Василия Макаровича.

нинградской коммунальной квартире жила Зиночка — глухонемая. И в детстве я с ней очень дружила, научилась их азбуке, на их вечера ходила, где даже танцы устраивались. Вася очень внимательно слушал и, видимо, "строил" уже для себя какой-то образ. И потом появился рассказ "Степика" из картины "Ваш сын и брат". Глухонемую там я должна была играть. Но тогда пошли слухи, что мне, мол, жить негде, я же не москвичка, и с Шукшиным — из-за квартиры, прописки, ролей. Знаете, злые языки всегда найдутся. И я оказалась настолько идиоткой, что отказалась сниматься и сама посоветовала Васе присмотреть актрису в Театре мимики и жеста, даже ходила с...

Самая близкая вам шукшинская картина — это, наверное, "Калина красная"?

Почему? А "Печки-лавочки"? Обе эти картины мне очень близки. С "Калиной красной" так было. Шукшин делал в больнице на Пирогов-

ке, в гастроэнтерологии. И позвонил мне, чтобы срочно пришла. Застала его расстроенным, в глазах — слезы. Я спросила: "Что случилось?" Он сел на кровати, рукой показал на тумбочку, а там тетрадь в коричневом переплете с этой повестью. Я открыла, а он: "Нет-нет, не здесь, дома прочтешь". Прочла я уже к ночи, и сразу же он мне позвонил — в больницу ему такие звонки позволяли. Услышала его голос — и расплакалась, слышу — он тоже: "Ну ты поняла?"

Но названия "Калина красная" сперва не было. Была просто повесть. И когда Вася сказал, что названия пока не знает, я тут же: "Калина красная". Он обрадовался: "Ух ты, умница!"

Как с ним на съемках работалось? Строгий он был режиссер?

Нет, слово "строгий" к нему не подходит. Наоборот, все мы в работе просто "купались". Он всегда знал, с чем приходит: все-таки сам автор сценария, режиссер, актер, хотя в своих первых фильмах и не снимался. Никогда не давил. Если что-то в тексте мне вдруг казалось дискомфортным, он тут же: "Как на душу ляжет, так и говори!" У других режиссеров так не было. Когда снималась у Николая Губенко в картине "Из жизни отдыхающих", там тексту приходилось следовать буквально до запятой и, Боже упаси, менять хоть слово. Я даже Коле как-то сказала: "Ну ты чего, Лев Толстой, что ли?" Или у Фрэза работала в фильме "Вам и не снилось", так тот тоже не любил импровизации. До смешного доходило. Рядом сидела автор, писательница Галина Щербаква, она на мои выдумки: "Потрясающе, говори!" А Фрész тут же: "Здесь написано не так!"

Читаете со сцены шукшинские рассказы вас не тянуло?

Не умею. Это мужские рассказы. Хотя мне очень нравятся их для себя читать. Я его интонацию знаю. У него своя,

Нет. Он уставал от студии, общения. И дома у нас почти никого не бывало. У меня не было очень близких подруг, у него — друзей. Только Толя Заболотский, оператор, с которым они вместе работали, у нас часто бывал. И еще Василий Белов, писатель, навещал, когда приезжал со своей Вологодчины в Москву. С Жорой Бурковым они подружились на съемках картины "Они сражались за Родину". Но Вася семь лет не пил совсем, ни рюмки. А какие же посиделки без застолья? Однажды была у нас большая компания — после премьеры фильма "Печки-лавочки". И я просто счастлива была, что можно было кого-то пригласить. И Василию тоже было приятно, позвал гостей в свой кабинет, за столом суетился: "Ну давайте, ребята, выпейте!" А так все праздники, дни рождения — только своей семьей.

А цветы Шукшин вам дарил?

Такого не было. Разве что в той поездке на съемки в Крым в шестьдесят четвертом году. С поезда мы пересели на автобус, и он на пять минут остановился где-то между Федосеей и Судакком. Я осталась в автобусе, вдруг заходит Шукшин и что-то держит под полной пиджака. Подсел ко мне и сунул маленький букетик цветов. А мне до этого оператор огромный букетик подарил. Шукшин: "Мой спрячь, а тот выброси!" И я этот маленький букетик долго берегла. На том с цветами все и кончилось. Хотелось, конечно, к Восьмому марта их получать. А он мне вместо этого раз рассказ подарил — "Охота жить".

Заранее прошу прощения за бестактность, но после смерти Василия Макаровича в вашей жизни были другие мужчины. Не трудно было после такой любви настроиться на новую?

Трудно, конечно. Сравнивайшь все равно. Первый год после Васиной смерти был смертельным для меня. На улицу почти не выходила, носила темные очки — тошно было смотреть на свет, на мир, на солнце. Думала: как это так, люди живут, а его нет? И все время его вспоминала. Мне и сейчас кажется, что он со мной. Душа-то жива, бессмертна. И дети говорят, что чувствуют: папа нам помогает, молится за нас.

В тот первый год я молилась очень много, в церковь ходила, Евангелие всегда рядом держала. Это и спасло. Фильмы его долго не смотрела, а "Они сражались за Родину" так и не видела: только маленький кусочек по телевизору. Не смогла. И сейчас каждый раз, как Васю в кино вижу, и радуюсь, что все это было, и больно.

Шукшинский центр вы заставляли, чтобы изжить боль?

Главное для меня — пропаганда творчества Шукшина. Мы готовили его шеститомник в "Молодой гвардии", три книги вышли — и все на этом закончилось. Я в свое время написала в Министерстве информации с просьбой включить шеститомник в федеральную программу, и там согласи-

да относилась, — осторожно его подготавливала к известию об отказе. У него тогда зубы сжимались, скулы ходили. Но держался: "Ничего, прорвемся!"

Поэтому я хочу, чтобы наш центр помогал молодым талантам, поддерживал их. Это же не музей будет: будем устраивать премьеры фильмов, встречи с актерами, режиссерами, писателями. Слава Богу, сейчас с центром полетче благодаря финансовой поддержке правительства России. Но все равно часть денег необходимо мне выбивать!

Ваши дочка Маша и Оля давно уже взрослые. Довольны их судьбой?

Все равно все, что ни случится, — от Бога. Благодарна ему, что наставил девочек на верный путь. Все-таки когда красивые и мама с папой известные — засосать может. Маша, старшая, окончила переводческий факультет. Но так случилось, что в этом году она снялась в новом фильме Петра Тодоровского в одной из главных ролей. И следом по приглашению Карена Шахназарова улетела сниматься в Америку. Для нее это эксперимент, посмотрим, что дальше будет.

Оля окончила актерский, снялась у Глеба Панифилова в "Матери" и еще в одной картине, поиграла в "Современнике". Но дальше сниматься не хочет. Она вообще очень круто переменялась. В прошлом году умер мой брат, и она тогда познакомилась со священником. И сейчас — очень верующий человек, ходит в церковь, молится. А в последние месяцы стала писать, но не показывает. Один раз я подглядела какие-то рассказы, мне очень понравились. А Оля рассердилась: "Зачем читала, я же не даю. И неважно, что понравилось!" Я для нее не авторитет в этом плане. Да и что мама актриса, дочка тоже забывают. Бывает, говорю, что мне надо на съемки. Они: "Куда?" Или: "Мам, зачем ты на эти тусовки ходишь?" Я говорю: "Да я хочу с какими-нибудь богатыми людьми познакомиться — может, с центром помогут".

Оля сейчас одна, а у Маши — семья, дочка Аня. Ей шесть лет, и я ее обожаю. Жаль, не так часто вижу, хоть и живем неподалеку.

А собственной судьбой вы довольны, несмотря на утраты. Считаете себя счастливой женщиной?

Конечно. Только бо не свернуть с начертанного Богом пути. Я счастлива, что у меня — дети от любимого человека. А к своей профессии спокойно отношусь. Думаю, если смогу поиграть бабушек, если же нет — значит, в чем-то другом могу себя найти. Мне когда говорят: "Ты — актриса!", я про себя переспрашиваю: "Я актриса?" Глубоко и серьезно я относилась в жизни совсем к другому. Потому что считала, что моя профессия — жена Шукшина.

Беседу вела Татьяна ИСКАНЦЕВА. Фото Бориса КРЕМЕРА.

Шукшин Василь